

Кадочникова И. С. Художественная трансформация русского мифа в творчестве В. Фролова и А. Сомова / И. С. Кадочникова // Научный диалог. — 2015. — № 11 (47). — С. 82—96.

УДК 821.161.1

Художественная трансформация русского мифа в творчестве В. Фролова и А. Сомова

© **Кадочникова Ирина Сергеевна (2015)**, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, доцент, Восточно-Европейский институт (Ижевск, Россия), irkadokh@mail.ru.

Рассматривается вопрос о художественной трансформации русского мифа в лирике современных авторов Удмуртии — В. Фролова и А. Сомова. Актуальность исследования обусловлена обострением проблемы национальной идентичности в новых социокультурных обстоятельствах. Методологической базой стали труды русских религиозных философов XIX — начала XX вв. В. Соловьева, Н. Бердяева, В. Розанова и др., а также работы современных исследователей, посвященные осмыслению концепта РУССКАЯ ИДЕЯ (А. Гулыга, М. Саркисянц, С. Кортунов). Представлены результаты сопоставительного анализа двух художественных систем. В. Фролов обращается к традиционной для русской культуры проблеме судьбы России, рефлексиря по поводу трагической противоречивости русского национального характера, в котором кроме созидательного духовного начала есть и начало пассивное, не позволяющее личности справиться с экзистенциальным ощущением трагичности человеческого бытия. Показана специфика реализации русской идеи в творчестве Фролова, которая состоит в том, что автор не дифференцирует понятия греха и святости, которые обычно противопоставляются. А. Сомов, напротив, отказывается от идеи Святой Руси, в логике постмодернистской эстетики десакрализует ключевые концепты русской культуры, актуализирует проблему утраты национальной идентичности,

нравственной целостности и жизнеспособности нации в условиях переломной эпохи.

Ключевые слова: русский миф; ментальность; идентичность; архетип; лирика; региональная литература.

1. Вводные замечания

В русскоязычной поэзии Удмуртии, которая по определению является частью большой российской литературы, особое место занимает комплекс смыслов, связанных с представлением о России, ее культуре, истории и современности, о самосознании русского человека переломной эпохи. Так, в лирике региональных авторов начала XXI века В. Фролова и А. Сомова этот комплекс смыслов получил весьма рельефное отражение.

Отечественная гуманитарная наука и философская мысль, обращенные к проблеме культурного определения России, решают данный вопрос через актуализацию понятия «национальные мифы», генераторами которых, прежде всего, стали русская литература и русская философия. «К числу важнейших мифов русской культуры <...> следует отнести эсхатологический, литературный, петербургский, государственный мифы и “миф о России”, который является одним из самых сложных и в различной степени включает все перечисленные» [Вагнер, 2007]. Этот перечень можно также дополнить мифами о соборности и о «загадочной русской душе» [Гулыга, 2003; Козлов, 2005; Переверзев, 2007; Саркисянц, 2005]. А. Ю. Большакова и В. Е. Елистратов, авторы сборников «Россия и Запад: диалог культур» [Россия и Запад..., 1994—1998], говорят «о существовании национальных стереотипов и основанных на них мифологизированных образах той или иной страны», а также «предлагают рассматривать “образ России” как совокупность следующих констант культуры: национальный характер, национальная идентичность, русская идея, душа России, пространство, время и национальные мифы» [Вагнер, 2007], что в единстве формирует «русский миф», отрефлексированный в том числе и современной поэзией Удмуртии.

2. Архетип «Святой Руси» в лирике В. Фролова

В. Фролов (р. 1957) — поэт, формирование которого пришлось на советское время. Тем не менее его творчество практически не за-

фиксировало реалий СССР. Существенный пласт лирики составляют размышления о своеобразии русского национального характера, причем русский человек часто показан автором во вневременном аспекте, что снимает вопрос о его социокультурной детерминированности и открывает вопрос о «русской душе» как таковой.

Н. А. Бердяев дал развернутую характеристику «русской души», зафиксировав веками формировавшийся миф о русском народе [Бердяев, 2000]. Ключевое свойство этого народа — парадоксальность. Концепция «русской души», представленная в лирике В. Фролова, в полной мере отражает эту парадоксальность, которая заключается в перманентном колебании героя (героев) между святостью и грехом.

Человек у В. Фролова отличается глубокой религиозностью, подлинным чувством Бога и причастностью к православной традиции, в лоне которой исторически формировалась русская культура с характерной для нее верой в народа-богоносца. Душа героя «снова не на месте» — «в кустах, крестах, с молитвой на устах», а внутренние искания связаны с обретением Царства Божия: «В прогал небес, ступенный, голубой / Душа, как бесприданница стремится...» [Фролов, 1997, с. 77]. В этом смысле он воплощает тип духовного странника.

Странничество — свидетельство не бездомности героя, а его духовной глубины, связанной с поиском невидимого дома, «внутренней России», «Святой Руси», Божьей истины. Так, путь героя лежит к «часовенке», которая «привалом облекла / и непутевых странников, и путных» и которая есть воплощение горнего мира на земле: *Доверься свежести и островкам / Небес в освободившейся часовне* [Фролов, 1997, с. 57].

Через образ героя в творчестве Фролова реализуется идеал Святой Руси как земли странников, богомольцев, ищущих Царства Божьего и в этом поиске обретающих духовное спасение, внутреннюю свободу и глубину, наконец, святость. Все это вписывается в рамки религиозно-философских представлений о «русской душе», восходящих к трудам Н. Бердяева [Бердяев, 2000], Н. Лосского [Лосский, 1991], В. Соловьева [Соловьев, 1999], В. Розанова [Розанов, 2001] — к ключевым фигурам религиозно-философского ренессанса, в рамках которого и родилась «русская идея» (см. также: [Русская идея..., 2002]).

При этом в творчестве Фролова получил отражение и другой аспект национального характера, связанный с раскрытием греховной природы русского человека. В. Фролов раскрывает не только его святость, но и слабость, пассивность, символом которой становится «блаженное» пьянство.

Мотив пьянства — один из ключевых в лирике В. Фролова. В русской литературе он получил развернутое воплощение в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», где русское, всенародное пьянство по сути было оправдано трагическими обстоятельствами крестьянской жизни. Герой Фролова тоже трагичен: в «холодном» мире ему нет места, он гоним сильными мира сего (стихотворения «В стране беззащитной правителя холят обжор...», «В болотный северный полон...»). Но противостоять антиидеалу герой не может, поскольку нет в нем активного «созидательного» начала, поэтому единственным спасением от холода мира становится забвение: *Любой нектар с пшеничным запашком / От сирости ... и сырости целебен* [Фролов, 1997, с. 71]. Само понимание Бога дается ему в предельной простоте, когда преодолевается вроде бы спасительная, но, с точки зрения героя Фролова, гордая мысль о бессмертии собственной души, когда именно греховность (а не смирение) становится способом избавления от гордыни: *И что бы делал Ты, когда б не перезвон, / Который с перепоя будит, нарастает, / И сердце бередит, и беса гонит вон, / И душу от щедрот бессмертия спасает* [Фролов, 1997, с. 48].

Герой Фролова воплощает русский «святой народ», «потерянный» и «полноводный»: путь к «часовенке», где он обретает высокое чувство причастности в Вечному, обязательно лежит для него через какой-нибудь «сырой куток и тети Липы», в котором он — как ни странно — находит простое земное счастье — нищее, поэтому безгрешное: *Ты вновь калиф, пускай на час, / И пообок — одни калифы!* [Фролов, 1997, с. 61]. Не случайно винный ларек становится центром райского сада и фактически символизирует идеал соборности: *А любители выпить гурьбою торчат за ларьком, / Милосердные наши, посланцы лихого народа* [Фролов, 1997, с. 67].

Милосердие, незлобивость, всепрощение, сердечная мягкость, соборное единение, обретаемые «во грехе», — характерные черты

русского национального характера, зафиксированные Фроловым. С одной стороны, этот характер является выразителем пассивного начала, с другой — воплощает идеал духовности. Так автор актуализирует русский миф, согласно которому «Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной — страной святых, живущих идеалами святости» [Бердяев, 2000, с. 34]. Данный архетип, воплощенный в лирике Фролова, восходит к творчеству А. Блока, отразившего амбивалентность России, ее святость и греховность, что в терминах блоковской эстетической теории выразилось через понятия «тезы» и «антитезы».

Актуализация национального мифа в лирике Фролова — поэта, жизнь которого пришлась на советскую эпоху, когда понятие русской ментальности фактически было вытеснено представлением о советской ментальности, на наш взгляд, связана с желанием воскресить саму идею «Святой Руси». При этом архетип «Святой Руси» в лирике Фролова отсылает не только к философско-религиозным исканиям XIX и особенно начала XX веков, но и к поэтической традиции — к лирике А. Блока, С. Есенина, Н. Клюева. Фролов обращается к образу Руси как духовной реальности, залогом жизнеспособности которой являются религиозные искания народа, грешного и одновременно наделенного внутренней глубиной. Так, в творчестве поэта получили отражение те черты национального психотипа, которые, как правило, подчеркиваются в работах авторов, характеризующих русский менталитет, — «этноцентризм, мессианство, серьезность, традиционность, поиск правды и гармонии, преобладание дуальных моделей» [Вагнер, 2007]. На исходе XX столетия, когда рушился советский мир и когда, собственно, создавалась книга Фролова «Дыханье», снова в отечественной культуре остро стоял вопрос о русском национальном характере, о его самобытности. Этот вопрос, во-первых, был обострен постмодернистскими установками, явно не соответствовавшими традиционным ценностям русской культуры, а во-вторых, был продиктован тем кризисом, который переживала Россия в порубежную эпоху. Политолог С. В. Кортунوف отмечает: «Современный кризис носит не столько экономический или политический характер, сколько является кризисом национального самосознания. Это этнический, геополитический и духовно-культурный

кризис <...> Погрязнет ли человечество в экономическом обществе всеобщего потребления или перейдет в иное, духовно-культурное, измерение — вот в чем состоит его исторический выбор на рубеже третьего тысячелетия. И слово России в выборе дальнейшего пути развития может стать решающим» [Кортунов, 1996]. Для Фролова важным было утвердить онтологический статус русской ментальности, актуализировать идею «Святой Руси», имплицитно противопоставив ее ценностям эпохи потребления (и в этом — жизнеутверждающий смысл его стихотворений). Обращаясь к национальному архетипу, автор раскрывает те духовные начала, которые генетически заложены в русском народе и свидетельствуют о самобытности и жизнеспособности нации, ее высоте и глубине. Но трагедия народа состоит в его пассивности, «женскости»: русский человек свою неудовлетворенность временем, в котором он живет, «запивает вином».

В. Фролов обращается к традиционной для русской культуры проблеме судьбы России, рефлексиря по поводу трагической противоречивости русского национального характера, в котором, кроме созидательного духовного начала, есть и начало пассивное, не позволяющее личности справиться с экзистенциальным ощущением трагичности человеческого бытия. При этом специфика реализации русской идеи, имеющей философский и литературный генезис, в творчестве Фролова состоит в том, что автор не дифференцирует понятия греха и святости, всегда противопоставлявшиеся в культурологических концепциях. В отечественной поэтической традиции они также противопоставлены. Напротив, «святой» народ Фролова потому и «свят», что он «грешен», именно «во грехе» им преодолевается гордыня и обретается «Божья милость». В связи с этим можно говорить о весьма драматичном развороте «судьбы России» в обстоятельствах переломной эпохи. Лирический герой, при всей его устремленности к Вечному, предельно трагичен, поскольку греховное, пассивное начало понимается им как подлинно безгрешное, становится синонимом святости. В этом и состоит трансформация русского мифа в лирике В. Фролова.

3. Эсхатологический миф в лирике А. Сомова

А. Сомов (1976—2013) — современник и земляк В. Фролова (оба из г. Сарапула).

Сомов также отреагировал на историософский вопрос о судьбе России и отрефлексировал тот аксиологический и нравственный слом, который произошел в сознании современного человека под влиянием социокультурных обстоятельств эпохи.

Причем показательно, что к этому пласту смыслов Сомов пришел не сразу, а в итоге многолетнего эстетического поиска. Так, герой ранних стихотворений, жанрово ориентированных на молитву, весьма близок герою В. Фролова. Он тоже воплощает тип «нищего духом», живущего в модусе религиозного бытия: *От мглы, налитшей на губах, / От злобы, что довлеет дневи, Храни, Господь веселый Бах, В заботах о насущном хлебе. Даруй нам, Господи, любовь...** [Сомов].

В этом поиске вечных ценностей — высокое оправдание человеческого существования и залог гармоничного мироотношения, возможности понимания мира как «Богом данного дворца»:

Тем не менее от лирики, созданной до 2007 года, Сомов, по свидетельству хорошо знавших его людей, отказался. Возможно, это связано с тем, что ранние стихи с их гуманистическим, религиозным пафосом и достаточно упорядоченной картиной мира, понимаемого как Божественный Космос, смущали поэта своей смысловой и формальной традиционностью, а также тем, что в них практически не была объективирована современность, зеркалом которой и стала поздняя лирика. Причем для фиксации эпохального мироощущения Фролов использовал соответствующий художественный прием — бранную и обценную лексику.

Наличие обценных выражений в стихах Сомова объясняется не только (и не столько) их экспрессивной функцией. В. М. Мокиенко отмечает: «Одна из доминирующих тенденций, ощущаемых всеми носителями русского языка, — расширение сферы употребления мата и в какой-то мере его частичная “легализация” в художественной литературе и средствах массовой информации. Эта тенденция прямо связана с общим раскрепощением русской социальной жизни... И бранная лексика служит своеобразным мериллом этого раскрепощения» [Мокиенко, 1994, с. 73]. При помощи ненормативного

* Так как у А. Сомова не вышло не одной поэтической книги, а стихи публиковались преимущественно в интернете, то мы ссылаемся на сайт «Сетевая словесность», где творчество поэта представлено наиболее полно.

языка автор изображает не только «предельно раскрепощенную», но и страшную картину современности, деструктивный во всех смыслах опыт эпохи и объективирует собственное, предельно трагическое переживание, ощущение экзистенциальной безысходности, внутреннего глубокого кризиса, связанного с осознанием «конца культуры».

В лирике Сомова представлена трансформация «русского мифа», своего рода выворачивание его наизнанку, дискредитация в логике постмодернистской эстетики. Автор, обращаясь к концептам русской культуры, имеющим фольклорные и православные корни, жестко профанирует их. Особенно очевидна такая профанация в циклах «Чудо преображения» (2011), «Декапитация по-русски» (2010), «Родина-тьма: фейки, трибьюты и римейки» (2010), где представлены очевидные пародии на тексты (в том числе и литературные), хорошо известные русскому читателю. Например, выражение «не стоит село без праведника» вписывается в контекст антигуманных смыслов, явно противоречащих идее «Святой Руси»: *На родине моей, что характерно, / не устоит ни город, ни село / без праведника или дурака, / для прочности вмурованного в стену* [Сомов].

Россия — постоянный объект дискредитации. Так, обращаясь к мотиву народной песни («Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...») и к метафорике есенинского стихотворения «Письмо матери», поэт создает весьма сниженный образ страны: архетип рябины оказывается в одном смысловом ряду с темой пьянства. В итоге отрицается высокое религиозное предназначение России и деактуализируется идея русского мессианства: *Мы еще дадим говна, угля и газа, / мы еще послужим Родине-стране, что стоит, качаясь, пьяная зараза, в православном ветхом шушуне* [Сомов].

В микроцикле «Ритуал очищения охотника», представляющем собой реминисценцию стихотворения Е. Евтушенко «Поэт в России больше, чем поэт...», портрет эпохи создается через обращение к образам «мясника» и «ментов»: *Мясник в России больше чем мясник / он волосат, он праздничен и светел <...> / менты в России самые менты / их души в заточении на Марсе <...> / говно в России слаще чем везде / его хлебаешь дырявой деревянной ложкой* [Сомов].

Так идея о «духе гражданства», поэтизированная Е. Евтушенко, полностью дискредитируется. Мясник у Сомова, представленный

как апофеоз плоти, — символ духовной пустоты и гибельного начала, а Россия показана как смердящая страна. *Менты* — объективация идеи «мертвых душ» («их души в заточении на Марсе»), а через лексему *говно* проводится мысль об унижительном (унижающем достоинство) выборе русского человека — в том числе, как это ни драматично, и о выборе в пользу самой смердящей России.

В итоге поэт приходит к авторефлексивной формуле о статусе поэта в России: *когда тебя на цыновом столе / разглядят до последних сраных складок / потом обмоют голубой водой из шланга / тогда поймешь залуна что всего дороже на земле // потом засунут в девочкин живот / где червяки, и теплота, и сырость / ну вот и повторяй: ну вот, ну вот / лежи и повторяй: ну вот ну вот ну вот / поэт в России равен лишь России* [Сомов].

В этих строках речь идет не о высоком предназначении художника — напротив, актуализируется мысль о его ничтожности, ненужности, что подчеркивается через определение *залуна*. Поэт Сомова, беззащитный перед жестокостью времени, убитый эпохой, тем не менее, оказывается ее голосом. Слово героя (ср. лексемы *менты*, *говно*, *залуна*, *сраные*), с одной стороны, передает его отношение к современности, а с другой есть зеркало этой современности. Поэт говорит на «грязном» языке эпохи, и в этом смысле он равен ей. Его душа «безобразна» в той степени, в какой безобразно убивающее художника время. Ю. И. Левин отмечает, что «ругательства близки перформативам: высказывание является одновременно и поступком, действием» [Левин, 1998, с. 809]. «Выругаться» для лирического героя Сомова равнозначно «выразить грубость», совершить “акт грубости”» [Левин, 1998, с. 809] по отношению к бесчеловечной эпохе, отзеркалить ее жестокость, ее собственный «акт грубости», направленный в адрес художника.

По мысли Сомова, эпоха всеобщего потребления, полное обесценивание духовных начал — не трагическая перспектива российского общества, а его жестокая реальность. Мир, показанный поэтом, — объективация «грязного», «животного» сознания, свойственного человеку XXI века (стихотворения «В ночном вагоне — пара малолеток...», «Ведь для этого делаешь двое нужны...»). Россия у Сомова — это место, где все «на соплях и сперме» (стихотворение «На родине

моей...»), где «каждый выбирает из себя / щепочками каловые массы». Родина-страна есть родина-тьма: *а за край вообще не надо смотреть / эту родину зовут твоя смерть... / от прямых дорог и ясного ума / позовет однажды родина тьма* [Сомов].

Концепция страны-тьмы-смерти раскрывается в стихотворении «Декапитация по-русски»:

Жги, русня, разговаривай нах. <...>

Поголовная декапитация населения, каждый в свой черед.

Россия, вперед! [Сомов]

«Декапитация» — обезглавливание экспериментальных животных — понятие, через которое проводится не только идея всеобщего уничтожения, но и мысль о вырождении нации:

А ученику 5 класса школы-лицея № 17 Петрову

от передоза своротило бак [Сомов].

В этом контексте процитированный лозунг «Россия, вперед!» отрицает сам себя.

Так, Сомов обращается к эсхатологическому мифу (ср. название циклов: «Родина-тьма», «Декапитация по-русски»), трансформируя его в соответствии с постмодернистской традицией. Сомов профанирует понятие «русской идеи» и концепцию высокого предназначения нации: апокалипсис не преодолевается воскресением, не высвобождает в человеке внутренние скрытые силы — напротив, он является знаком смерти культуры:

пролетает ангел моей земли,

отвернув к небесам похмельный лик,

ибо черен, одутловат и страшен.

Ибо не на что тут ему смотреть —

в хороводе путаниц и смертей

всё как есть, и отцы не лучше деток —

он видал всё это не раз в гробу,

он подносит к устам свою трубу

и орет в нее: «Эй, ну где Ты?» [Сомов]

Таким образом, историософский вопрос о судьбе России в творчестве Сомова решается весьма драматично. Отказываясь от идеи Святой Руси, актуализированной в раннем творчестве, десакрализируя ключевые концепты русской культуры, Сомов показывает смерть

этой культуры. России как культуры у Сомова нет: есть пустое пространство, наполненное знаками эпохи постмодернизма и глобализации (секс, порно, наркотики, кола, интернет и т. д.), отрывающими человека от вечного, от Бога, от жизни. Так ставится проблема утраты национальной идентичности, нравственной целостности и жизнеспособности нации, удел которой — «поголовная декапитация», то есть самоуничтожение. В современной социокультурной ситуации, когда особенно остро стоит вопрос о том, быть или не быть России, а если быть, то как быть, стихи Сомова звучат по-настоящему пронзительно, поскольку отражают болезнь эпохи и боль поэта. Россия у Сомова движется в страшное будущее, ее бытие — это бытие-к-смерти.

4. Выводы

Проблема выбора пути, особенно остро стоящая перед русской культурой в переходные (порубежные) эпохи, всегда составляла суть религиозно-философских исканий отечественной интеллигенции. Региональная литература в этом смысле не является исключением. Обращаясь к русскому мифу, В. Фролов и А. Сомов по-разному отвечают на вопрос о настоящем и будущем русской культуры. В творчестве В. Фролова оформилась концепция, согласно которой жизнеспособность России обеспечена духовно-нравственными глубинами, которые до сих пор не исчерпаны русской нацией, в полной мере еще не осознавшей и не исполнившей свое высокое предназначение. Но, с точки зрения поэта, важно, что эта духовная глубина, генетически свойственная национальному характеру, определяет самобытность и высоту русской культуры и русского человека, исполненного идеей богоискательства. В. Фролов — человек советской эпохи с характерным для нее отрицанием религиозного мировоззрения, поэтому, на наш взгляд, вопрос о специфике русской культуры решался им в пользу тех представлений, которые были разработаны отечественной религиозной философией XIX и начала XX вв. и в рамках которых оформилась сама русская идея. На рубеже XX и XXI столетий, когда советский мир был разрушен, она снова оказалась востребованной, поскольку содержала альтернативу аксиологическим установкам капиталистической эпохи.

А. Сомов, младший современник В. Фролова, как личность сформировался в 90-е гг. Изначально он тоже ориентировался на смыслы, которые сближали его раннее творчество с творчеством Фролова, но позднее, ближе к 2010 году, когда глобализация и новая (постмодернистская) аксиология утверждались все очевиднее, Сомов как поэт выбрал путь изображения современной России в зеркале экзистенциального тупика, отмеченного дескрализацией и деструкцией культурных ценностей и нравственных установок. Традиционный «русский миф» оказался профанированным, а его место занял своего рода «новый русский миф», согласно которому Россия — очевидный продукт эпохи потребления, вырождающаяся, убогая, «последняя» страна. Но важно, что творчество Сомова провоцирует на соразмышления о проблеме «смерти культуры», о необходимости выхода из губительного круга, и в этом состоит его онтологический смысл. В стихах Сомова объективировано духовное бессилие автора, связанное с невозможностью противостоять абсурду — не только трагедия эпохи, но и личная трагедия. Сомов не смог пережить «апокалипсис нашего времени». В 2013 году он умер в возрасте 37 лет: роковая дата для русского поэта.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. — Москва : Эксмо-Пресс ; Харьков : Фолио, 2000. — 734 с.
2. Вагнер Е. Н. Национальные культурные мифы в литературе русского постмодернизма : автореферат... кандидата филологических наук [Электронный ресурс] / Е. Н. Вагнер. — Барнаул : Алтайский государственный университет, 2007. — Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/natsionalnye-kulturnye-mify-v-literature-russkogo-postmodernizma>.
3. Гулыга А. Русская идея и ее творцы / А. Гулыга. — Москва : Эксмо, 2003. — 448 с.
4. Козлов А. А. Основные подходы к формированию общенациональной идеи [Электронный ресурс] / А. А. Козлов // Нравственность в образовании. — 2005. — Режим доступа : http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2285.
5. Кортунов С. В. Россия : национальная идентичность на рубеже веков [Электронный ресурс] / С. В. Кортунов. — Москва : Московский общественный научный фонд, 1996. — Режим доступа : <http://sumarokov.viperson.ru/wind.php?ID=296047&soch=1>.

6. Левин Ю. И. Об обценных выражениях русского языка / Ю. И. Левин. — В книге : Левин Ю. И. Избранные труды : Поэтика. Семиотика. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — С. 809—819.
7. Лосский Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. — Москва : Политиздат, 1991. — 367 с.
8. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика : цензурное и нецензурное / В. М. Мокиенко // Русистика. — Берлин. — 1994. — №1/2. — С. 50—73.
9. Переверзев С. В. Русский выбор : очерки национального самосознания / С. В. Переверзев. — Москва : Русский мир, 2007. — 411 с.
10. Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени / В. В. Розанов. — Санкт-Петербург : Азбука, 2001. — 404 с.
11. Россия и Запад : диалог культур / под ред. А. В. Павловской. — Москва : МГУ, 1994—1998. — Вып. 1—6.
12. Русская идея : сборник произведений русских мыслителей / сост. Е. А. Васильев. — Москва : Айрис Пресс, 2002. — 505 с.
13. Саркисянц М. Россия и мессианиззм : к «русской идее» Н. Бердяева / М. Саркисянц. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2005. — 270 с.
13. Соловьев В. С. Россия и вселенская церковь / В. С. Соловьев. — Минск : Харвест, 1999. — 1586 с.
14. Сомов А. Стихи, рассказы, эссе [Электронный ресурс] / А. Сомов // Сетевая словесность. — Режим доступа : <http://www.netslova.ru/somov/>.
16. Фролов В. Дыханье: стихи / В. Фролов. — Ижевск : Удмуртия, 1997. — 104 с.

Art Transformation of Russian Myth in Works by V. Frolov and A. Somov

© Kadochnikova Irina Sergeevna (2015), PhD in Philology, Head of Department, Department of General Humanities and Natural Sciences, associate professor, East European Institute (Izhevsk, Russia), irkadokh@mail.ru.

The question of the art transformation of the Russian myth in the lyrics by contemporary authors of Udmurtia — V. Frolov and A. Somov. The relevance of the study is due to the growing problem of national identity in a new social and cultural circumstances. The methodological base is the works by Russian religious philosophers of the XIX — early XX centuries V. Solovyov,

N. Berdyaev, V. Rozanov et al., as well as works by contemporary scholars on the understanding of the concept RUSSIAN IDEA (A. Gulyga, M. Sarkisyants, S. Kortunov). The results of the comparative analysis of the two artistic systems are presented. V. Frolov refers to the problem of the Russian fate traditional for the Russian culture, reflecting on the tragic contradictions of Russian national character, which in addition to creative spirituality has passive nature, which does not allow the individual to cope with the existential sense of the tragedy of human existence. The specificity of the realization of the Russian idea in the works by Frolov is shown, which is that the author does not differentiate between the concepts of sin and holiness, which are usually the opposites. A. Somov, on the contrary, rejects the idea of Holy Russia, desacralizes the key concepts of Russian culture in the logic of post-modern aesthetics, actualizes the problem of loss of national identity, moral integrity and vitality of the nation in a critical epoch.

Key words: Russian myth; mentality; identity; archetype; lyrics; regional literature.

References

- Berdyaev, N. A. 2000. *Sud'ba Rossii*. Moskva: Eksmo-Press; Khar'kov: Folio. 734.
- Frolov, V. 1997. *Dykhanye: stikhi*. Izhevsk: Udmurtiya. 104.
- Gulyga, A. 2003. *Russkaya ideya i ee tvorsty*. Moskva: Eksmo. 448.
- Kortunov, S. V. 1996. *Rossiya: natsionalnaya identichnost' na rubezhe vekov*. Moskva: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond. Available at: <http://sumarokov.viperson.ru/wind.php?ID=296047&soch=1>.
- Kozlov, A. A. 2005. *Osnovnyye podkhody k formirovaniyu obshchenatsionalnoy idei*. Available at: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=2285.
- Levin, Yu. I. 1998. Ob obstsennykh vyrazheniyakh russkogo yazyka. In: Levin, Yu. I. *Izbrannyye trudy: Poetika. Semiotika*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 809—819.
- Losskiy, N. O. 1991. *Usloviya absolyutnogo dobra*. Moskva: Politizdat. 367.
- Mokienko, V. M. 1994. Russkaya brannaya leksika: tsenzurnoye i netsenzurnoye. *Rusistika*, 1/2: 50—73.
- Pavlovskaya, A. V. (ed.). 1994—1998. *Rossiya i Zapad: dialog kultur*. Moskva: MGU. Vol. 1—6. (In Russ.).
- Pereverzev, S. V. 2007. *Russkiy vybor: ocherki natsionalnogo samosoznaniya*. Moskva: Russkiy mir. 411.

- Rozanov, V. V. 2001. *Apokalipsis nashego vremeni*. Sankt-Peterburg: Azbuka. 404.
- Sarkisyants, M. 2005. *Rossiya i messianizm: k «russkoy idee» N. Berdyaeva*. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo SPbGU. 270.
- Solovyev, V. S. 1999. *Rossiya i vselenskaya tserkov'*. Minsk: Kharvest. 1586.
- Somov, A. *Stikhi, rasskazy, esse*. Available at: <http://www.netslova.ru/somov/>.
- Vagner, E. N. 2007. *Natsionalnyye kulturnyye mify v literature russkogo postmodernizma: avtoreferat... kandidata filologicheskikh nauk*. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyy universitet. Available at: <http://cheloveknauka.com/natsionalnye-kulturnye-mify-v-literature-russkogo-postmodernizma>.
- Vasilyev, E. A. (ed.). 2002. *Russkaya ideya: sbornik proizvedeniy russkikh mysliteley*. Moskva: Ayriss Press. 505. (In Russ.).